

теперь. Гюго не пошелъ дѣльше тогдашняго настроенія; онъ можетъ быть названъ „поэтомъ фразеологіи XIX-го вѣка“. Его философія или метафизика сводится къ нѣсколькимъ смутнымъ вѣрованіямъ, плохо вяжущимся между собою; деизмъ не исключаетъ у него пантеизма, пантеизмъ уживается съ чѣмъ-то въ родѣ метемпсихозы, основанной на идеѣ загробнаго возмездія. Господствующая черта въ міросозерцаніи В. Гюго — оптимизмъ, главнымъ выраженіемъ котораго служитъ вѣра въ прогрессъ, въ освобожденіе массъ, въ торжество слабыхъ надъ сильными. Помимо великолѣпія формы, все это довольно мелко (*puéril*), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно великодушно; не будучи мыслителемъ, В. Гюго усиливался мыслить — и въ этомъ его безспорная заслуга. Не слѣдуетъ забывать, что поэтовъ-философовъ, до В. Гюго, во Франціи было очень мало, и что цѣнна всякая попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи, лишь бы только она принадлежала истинному поэтическому таланту.

Идеи В. Гюго объ искусствѣ, о литературѣ, отличались такою же неустойчивостью, какъ и всѣ остальные. Онъ видѣлъ въ искусствѣ сначала выраженіе христіанскаго роялизма, потомъ — либеральныхъ идей, потомъ — демократіи, потомъ — социализма. Онъ постоянно отводилъ ему служебную роль, требовалъ отъ него практической пользы — но на самомъ дѣлѣ, къ счастью, сплошь и рядомъ забывалъ это требованіе и являлся чистымъ артистомъ. Его мысли были, болѣею частью, не чѣмъ инымъ, какъ *общими мѣстами*, которымъ онъ наивно придавалъ значеніе открытія. Онъ часто вдохновлялся событіемъ дня, какимъ-нибудь выдающимся происшествіемъ; съ этой точки зрѣнія его можно назвать прирожденнымъ журналистомъ или хроникеромъ. Множество стихотвореній написано имъ на темы, точно заимствованныя изъ прописей: всѣ люди смертны; смерть застигаетъ насъ внезапно; счастье заключается въ добродѣтели; доброта открываетъ двери неба, и т. п. Съ общими мѣстами морали чередуются, особенно въ концѣ дѣятельности Гюго, общія мѣста философіи или космогоніи (земля больше человека, солнце больше земли, звѣзды больше солнца, безконечность больше чѣмъ что бы то ни было, Богъ больше безконечности). „Я не осуждаю Гюго за пристрастіе къ общимъ мѣстамъ, — говоритъ Фагэ, — я только констатирую это пристрастіе. Я знаю, что общими мѣстами не пренебрегали иногда и самые великіе писатели, потому что они чувствовали себя способными облечь ихъ въ новую форму“. У В. Гюго новизна обуславливается тѣмъ, что общее мѣсто, подъ его рукой, часто обращается въ *образъ*, роскошно освѣщенный. Мимо поэта